

ГАРДЕРОВЩИК

Каникулы тогда выдались тяжелые. Особенно поначалу.

За необъяснимые пропуски занятий и какие-то еще студенческие происшествия Ивана лишили стипендии. Квартира, которую он сдавал на учебные месяцы, тоже больше не приносила дохода – ему самому как-то надо было тут пережить длинное лето.

Жить было практически не на что.

Иногда он ходил к семейным друзьям и там его кормили. Но занимать деньги, не зная срока отдачи, было неудобно.

Тогда возник художник Адмиралов. Как и кем они друг другу были представлены, Иван не помнил. Потому как случилось это, естественно, по нетрезвому делу.

Квартира одинокого и свободного студента быстро стала удобным местом для выпивания. Приходили друзья, друзья друзей, знакомые знакомых. Приносили не только выпивку, но и незамысловатую закусочную еду. Иван пил относительно умеренно и больше налегал на съестное.

Но с Адмираловым они запили. Временами перемещаясь из квартиры Ивана в мастерскую Адмиралова возле Детского парка и обратно. Приглашенному Адмираловым трезвому художнику с неизбывной жалостью продали альбомы Виктора Попкова и Феофана Грека из библиотеки Ивана. Причем, практически по номинальной стоимости: совести не хватило заломить реальную рыночную цену. Или уж очень выпить хотелось.

Однажды Иван проснулся. На кухне было грязно, как после любой затяжной пьянки. И совершенно пусто. В смысле еды.

А есть хотелось нещадно.

Иван заглянул в холодильник и все шкафы. Обнаружил лишь кусочек засохшего хлеба и трехлитровую банку из-под сахарного песка. На стенках банки еще оставались сладкие крупинки. Иван поскреб сухарем банку изнутри. Сухарь стал вкуснее, но не сильно сытней.

Из последних сил кое-как прибравшись, Иван побрел в сторону мастерской Адмиралова.

Адмиралов оказался на месте. Выглядел он тоже изрядно помятым, но уже совершенно трезвым. Искать средства на опохмел обоим даже не пришло в голову.

Зато Адмиралов, усато и весело изображая фокусника, выудил из сумки банку из-под болгарских маринованных огурцов. В банке плескался супчик, заботливо приготовленный Адмиралову супругой Светланой Васильевной.

Адмиралов перелил супчик в ковшик, разогрел на электроплитке и поделил пополам.

Мифическую Светлану Васильевну Иван и в последующей жизни так никогда и не увидел, но супчик запомнил навсегда. А с Адмираловым после этого супчика они стали друзьями.

На следующий день, окончательно наведя порядок в квартире, Иван отправился на поиски хоть какой-нибудь работы.

И ноги сами привели его к цирку.

Иван поразглядывал бодрые жизнеутверждающие афиши. Тигр на одной из них очень смахивал на улыбающегося Адмиралова. Иван стал оглядывать цирковое здание справа, намереваясь идти дальше через парк. И оказался напротив служебного входа.

А слева от служебного входа висела доска объявлений «Требуются» – как у проходной

какого-нибудь завода. Нет, укротители и клоуны здесь не требовались. А нужны были: повар, буфетчица и пожарный.

На последнюю должность Иван и решил претендовать.

Он открыл дверь, за которой встретил его обычный вахтер. Тот направил его к замдиректора.

Замдиректора был длинным, в пиджаке и галстуке, и очень походил на пародийного укротителя, правда, без нафабранных усов. И сразу в голове Ивана обрел кличку «Замукротитель».

Загвоздка была в том, что Иван мог устроиться только на неполные три месяца, до конца августа. Плюс у него было неоконченное высшее. Это тоже показалось Замукротителю препятствием. Однако нужда в пожарном, видимо, была высока.

– Возьмем тебя по трудовому договору, – смилостивился Замукротитель.

– Хорошо, – сказал Иван.

– Работа: сутки через двое.

– Хорошо, – кивнул Иван.

– На работе не пить!

– Хорошо, – и тут Иван не стал возражать.

– Животные этого не любят! – словно извиняясь, добавил Замукротитель. – Сам к животным как относишься?

– Слонов и тигров, – ответил Иван, загибая пальцы, – люблю. Еще собак. Не люблю попугаев. Да, в детстве у меня был хомячок, ужасный зануда и вонял изрядно, – Замукротитель начинал ему надоедать.

– А тебе палец в рот не клади! – задумчиво проговорил тот.

– Как и попугаю. За что их, гадов, и недолюбливаю, – уточнил Иван, не меняя серезного выражения лица.

– Тогда тебе повезло! – улыбнулся впервые Замукротителя. – Попугаи – в Стамбуле. На гастролях. Хомячков не держим: мелковаты. С остальными – познакомишься. И в цирке не воняет, а пахнет! Иди в отдел кадров – там тебя оформят. Потом объясню обязанности.

– Хорошо.

Для начала Замукротителя провел экскурсию по цирку, особо обращая внимание Ивана на пожарные выходы и места расположения гидрантов. Но это была, похоже, чистая фикция. На самом деле обязанности сводились к обычным вахтерским – сидеть на входе да открывать ворота для въезжающих в цирк машин. Список номеров, имеющих на это право, прилагался. И еще надо было проверять у входящих документы.

На следующий день Иван вышел на работу. Первым и единственным, у кого он потребовал документы, был Замукротитель. Тот сначала ошалел, а потом предьявил. Так у них сразу наладились хорошие производственные отношения.

Жизнь вошла в более ясную колею. К тому же все-таки было лето.

Адмиралов не только радушно принимал Ивана у себя в мастерской, но и познакомил с еще несколькими художниками.

В трех минутах ходьбы от Детского парка была мастерская Почкаева, тоже подвальная, в жилом краснокирпичном доме ранней советской постройки.

Почкаев оказался очень хорошим художником и человеком приятным. С первым были согласны практически все, даже недоброжелатели и завистники, а со вторым многие бы поспорили – будучи отягощенным спиртными напитками, Почкаев становился довольно невменяемым. И сам про это знал, так что на всяких посиделках среди своих картин старался не перебирать. Иногда ему это удавалось.

Его большие работы исполнены были с бесшабашным и точным живописным изяществом. Бесспорное качество живописи плюс оттенок не сюжетного, а неуловимого сюрреализма хоть в изображении обычного русского пейзажа принесли ему уже определенную славу – его работы покупали московские коллекционеры. Иногда даже редкие, специально приехавшие иностранцы. И еще он был превосходным лег-

ким рисовальщиком. Как раз тогда заканчивал большой цикл карандашных иллюстраций к «Альтисту Данилову». Форматом не меньше, чем пятьдесят на пятьдесят. И это сочетание карандашного минимализма с широкоформатной подачей делало его рисунки воздушными и волшебными.

Мастерская Почкаева была попросторнее адмираловской, так что за правило взяли вечерами собираться здесь. Приходили художники и разные другие люди. Говорили об искусстве и еще обо всем на свете. Подходя поругивали родную советскую власть.

Как-то компания подобралась довольно обширная. Среди пришедших оказался и бородатый человек, который вполне бы мог сойти за художника – только был он уж очень какой-то жилистый и суровый. Ни разу не улыбнулся. И с каждой минутой все больше мрачнел.

– Это – Худов! – шепнул Ивану на ухо Адмиралов. – Самый известный в городе каратист! – в словах Адмиралова звучала затаенная гордость за земляка.

Почему-то как раз зациклились на советской власти.

Привыкший к вольному московскому воздуху Иван поносил ее с недоброй и даже жестковатой иронией.

После какого-то особо язвительного пассажа, вызвавшего «в зале» довольный художнический смех, Иван почувствовал на своем запястье железную хватку: будто наручники защелкнули.

– Пойдем-ка, выйдем, – тихо и беспрекословно сказал ему Худов. Запястье, впрочем, тут же отпустил.

Вышли во двор.

– Ты, вообще, кто такой? – с явным вызовом спросил Худов.

Ситуация была чуть фарсовой. Но и немного ознобной: драться Иван напрочь не умел. Тем более, с каратистами.

– Да так, – на всякий случай Иван перенес тяжесть тела на «заднюю» ногу, а руки согнул в локтях. – В цирке работаю...

Худов стоял перед ним, руки спокойно опустив, но пальцы его совершали какие-то замысловатые волнообразные движения:

– Клоунов нам тут только не хватало...

– А вообще из Москвы. Теперь, – добавил Иван. – А что?

– Да так, ничего, – уже спокойно ответил Худов. – Языком густо мелешь...

– Ораторским искусством овладеваю, – улыбнулся Иван. Кажется, гроза миновала.

– Ладно, проехали, – ответил Худов, протягивая руку. – Михаил Юрьевич...

– Иван Сергеевич, – вскинув брови, представился Иван.

Это оказалось очень смешно, будто и впрямь что-то не поделили Лермонтов с Тургеневым. Взгляд Худова подобрел, и они отправились восвояси в подвал.

Уже позже, кое-что узнав, Иван понял, в чем таилась природа вдруг вспыхнувшей к нему ненависти. А потом получил подтверждение и лично от Худова.

Был тот краткий и безумный период, когда занятия, а тем паче обучение карате негласно приравняли к уголовному преступлению. Да еще с идеологическим оттенком. За дело с обычным недостойным рвением взялся КГБ. И Михаила Юрьевича в числе первых регулярно таскали на допросы с пристрастием. Искали зацепку, чтоб реально посадить. Вот и принял он залетного Ивана за специально подосланного стукача-provokatora. Со всеми вытекающими последствиями.

– Слушай, Михаил Юрьевич, – спросил его потом как-то Иван, – а ты бы меня тогда вправду мог ударить?

– Но близко было... Иван Сергеевич... – усмехнулся Худов.

– Как по другому поводу говорил Солженицын, – подвел итог Иван.

Больше к этой теме они никогда не возвращались. Всегда называли друг друга, но без удовольствия, исключительно по имени-отчеству. Но некий холодок в отношениях все ж остался.

Из того лета запомнилось еще, как Иван, пользуясь служебным положением, сводил друзей-художников и Хлудова в ночной цирк. Слоны и тигры на них не обратили внимания. Потому как мирно спали. Зато на дежурно освещенном манеже художники немного подурачились, а Хлудов изобразил несколько красивых каратистских па.

А само лето подходило к концу. Как и цирк. В сухом остатке: кличка «Замукротителя» приклеилась к замдиректору намертво.

На следующее лето в родной город Иван выбрался ненадолго.

К этому времени он счастливо женился и уже прислушивался ухом к пятимесячному животу жены. Чтобы перебраться окончательно в Москву, надо было разобраться с местной квартирой. Путем хитрого обмена на коммуналку Иван получил приличные, но все равно несоразмерные ценности отдельной квартиры деньги. Продал по дешевке холодильник и то, что купили из мебели, забрал оставшиеся хорошие книги. Настенные часы подарил Адмиралову. И навсегда выписался.

С Хлудовым он тогда виделся мельком. Как и в следующие редкие приезды.

Но через несколько лет Хлудов позвонил уже из Москвы, куда тоже недавно переехал – в большую комнату коммуналки возле одной из кольцевых станций метро. Жил он там без семьи, один.

Встретились. Стены комнаты Хлудова были сплошь завешаны работами Почкаева. В том числе теми самыми иллюстрациями к «Альтисту Данилову». Что в любом случае говорило о хорошем художественном вкусе хозяина. С автором «Альтиста» Иван как-то потом познакомил Хлудова в Доме литераторов. При этом сцена была вполне символической. Невысокий коренастый Орлов стоял на верхней ступеньке лестницы, ведущей из холла ЦДЛ в сторону ресторана, ладный жилистый Хлудов – на ступеньке нижней и смотрел на автора «Альтиста» снизу вверх с искренним восторгом,

граничащим с изумлением. Орлова даже удалось позвать к Хлудову домой посмотреть иллюстрации. Рисунки Орлову понравились, и один из лучших был ему подарен. После этого случая никогда не исчезавший холодок в отношениях Михаила Юрьевича и Ивана Сергеевича сильно подтаял.

Зато у Хлудова Иван познакомился с искусствоведом Щербатовым. Они сошлись на любви к русскому восемнадцатому веку: Рокотов, Левицкий, Боровиковский. Щербатов это время любил профессионально, но и в дилетантстве Ивана почуял родную душу. Он не только устроил Ивану экскурсию по недоступному смертным Большому Кремлевскому дворцу, где как раз курировал масштабную реставрацию, но и брал с собой на Хлебниковское водохранилище, где у него была собственная парусная яхта. В благодарность вытасченную на берег яхты Иван по весне собственноручно красил сурриком. Лелеяли даже мечту о большом парусном походе по Волге. Мечта для Ивана реализовалась много позже и совсем уж невероятно. Щербатов в новые времена основал собственную реставрационную фирму. Но быстро скатился до обычного строительства коттеджей. Заработал много денег и купил на Кипре почти океанского масштаба парусную яхту с девятиметровой мачтой и четырьмя каютами. И однажды Иван прилетел в Неаполь, где у пирса его ждала изумрудно-зеленая «Екатерина», названная именем жены Щербатова и выкрашенная в цвет ее глаз. На «Екатерине» они обошли вокруг Италии, высадив Ивана в Венеции.

Хлудов же и раньше и позже официально работал преподавателем физкультуры в строительном институте. И вел собственную секцию ушу, на которое переключился с утратившего притягательность «простоватого» карате. Регулярно стал ездить в Бирму к тамошним мастерам.

Для Ивана же привлекательность всех этих восточных единоборств была не в та-

инстинктивной духовной сути, тут ему в целом достаточно было «Дао Дэ Цзин», и в частности хорошо усвоенного принципа У-вэй, а в умении защищаться и защищать. Поэтому время от времени и возникала идея начать ходить в секцию Хлудова вместе с подростковой дочерью. Идея так никогда и не осуществилась – по обычной лени и некоторой транспортной неудобности.

Хлудова он никогда не видел «в деле». Но достаточно было посмотреть, как по отдельности он может двигать фалангами пальцев, чтобы безоговорочно поверить в его бойцовские возможности.

– А вот я ничего не умею, – сказал как-то Иван. – И как мне быть в каких-то критических обстоятельствах?

Хлудов усмехнулся и указательным пальцем быстро коснулся шеи Ивана и несильно надавил куда-то под ухом. Голова Ивана сама собой упала набок, а руки утратили способность к движению. Только через пару минут все вернулось в норму.

– Вот сюда-то и надо просто нажать, если что, – пояснил Хлудов.

– Но я же не попаду?! – изумился Иван.

– Если надо будет – попадешь! – успокоил Хлудов.

По рассказам Почкаева Иван помнил и о двух происшествиях с Хлудовым. Героическом и водевильном.

Первое случилось в Крыму. Они поехали небольшой компанией и заняли часть дикого пляжа. Но как-то в сумерках на их место стали претендовать агрессивно и безоговорочно.

– Как он летал! – только этими словами Почкаев и мог описать победный бой Хлудова, который с агрессорами справился совершенно в одиночку.

В другой раз в загородном пансионате Хлудов через балкон пробрался к своей мимолетной пассии. Но тут явился муж и ударил Хлудова бутылкой по голове. Никакое карате не помогло – или просто чувство вины невзначай сработало? Пришлось через балкон и ретироваться.

А однажды ночью из квартиры Хлудова Иван Сергеевич и Михаил Юрьевич пошли к метро за бутылкой водки.

Пересекли проспект по подземному переходу и уже направлялись к киоску, прилепившемуся у монументальной бетонной стены, ограждавшей грандиозную стройку.

И тут увидели, что прямо наискосок через пустынный проспект к ним движется компания подростков, человек семь, среди которых две девушки, – что, естественно, придавало молодым людям куражу. Так как Иван с Хлудовым были еще довольно далеко от киоска, а компания с озверелыми лицами и шумным матом направлялась прямо к ним, можно было безошибочно предположить, что предстоит драка.

В душе Ивана боролись два чувства: с одной стороны, было, конечно, страшновато – все-таки пятеро (не считая девочек) против двоих, с другой, ну, наконец-то...

– Встань за мной! – сказал Хлудов, покаявая Ивану в сторону бетонного забора.

Иван послушно встал, все же сжимая кулаки.

Хлудов стоял спокойно, опустив руки, – как и тогда, при первом их знакомстве.

Компания с горящими глазами и подначивающими матерками неотвратимо приближалась.

Они подошли уже на расстояние быстрого удара.

– Привет, ребята! – мирно сказал Хлудов. – Вы, наверное, тоже хотите выпить?

Те замерли словно в стоп-кадре. Их неподвижное стояние продолжалось с полминуты.

А потом они на глазах превратились из озверелых подростков в обычных мальчишек с нормальными человеческими лицами.

Кто-то из них побежал за бутылкой. Тут же все вместе и выпили из пластмассовых стаканчиков, запивая колой.

Дружески попрощавшись с неожиданными приятелями, Иван с Хлудовым дошли, наконец, до киоска, купили свою бутылку водки и отправились домой.

Прошел еще большой кусок жизни. За это время Хлудов получил черный пояс, умер Щербатов, Почкаев переселился в деревню, Адмиралов остался без зубов и неотвратно спивался.

Хлудов переехал в отдельную квартиру. Вместе с ним и работы Почкаева.

Иван пару раз приходил туда. Познакомился с миловидной подругой Хлудова. Но прежних застольных разговоров не получалось. Хлудов сразу ставил длинное любительское видео про свою Бирму. А когда Иван сказал, что ему надоело смотреть на эти боевые скачки, буквально по-детски обиделся. Вообще, он сильно сдал. Стал сутулиться и сбрил бороду, и оттого выглядел даже немного беззащитным. Преподавать почти перестал. По каким-то проговоркам Иван понял, что он с кем-то важным в их особом мире поссорился. Что подтверждала и как-то вскользь брошенная реплика: «Я с бандитами не работаю».

Хлудов стал пенсионером, что с ним совсем не вязалось. Но небогатым он был именно как неработающий пенсионер. Если Иван звал в ресторан, то Михаил Юрьевич сразу предупреждал, что «сейчас на мели». Платил, широко и совсем необидно, Иван.

Однажды Хлудов попросил найти ему переводы с английского, в качестве подрабки:

– Язык-то я неплохо знаю. Да и образование все ж гуманитарное, – особых надежд в его голосе не звучало. Ивану ничего под руку не попало, да не очень-то он и старался.

Иногда Хлудов занимал у Ивана небольшие суммы и не всегда отдавал.

Как-то позвонил и сообщил, что устроился работать гардеробщиком. Иван даже не спросил – куда. Хлудов снова попросил денег. Иван на сей раз нечаянно разозлился и напомнил о невозвращенном долге. В ответ Хлудов что-то пробормотал, но даже не извинился и не пообещал вернуть. С тех пор

не звонил. А когда Иван, по прошествии некоторого времени ощутив острый укол стыда за ту самую нечаянную злость, позвонил сам, то домашний телефон Хлудова механическим женским голосом лишь повторял: «Неправильно набран номер», а мобильный сообщал, что «данный вид связи недоступен для абонента».

Бросив попытки дозвониться, Иван Сергеевич, не лишенный воображения, начал иногда придумывать себе про Хлудова, так и оставшегося для него немного загадочным, вполне фантастические и отчасти даже конспирологические истории, впрочем, не лишённые подозрительных оснований в тонкой реальности.

Одна из них ему нравилась больше других.

Хлудов работает гардеробщиком в собственном ресторане. Живет более чем скромно на пенсию и маленькую зарплату. А ресторанные доходы ежемесячно направляет в фонд помощи паллиативным детям – вспомнилось, что одна из дочерей-двойняшек Хлудова умерла в подростковом возрасте от рака.

Еще порой вспоминалось хлудовское: когда тебе плохо – опусти руки, все пройдет. И проходило, уходило. Надо было только опущенными руками еще немного потрясти.

И все же: сбитый летчик или... Или им так положено, мастерам ушу, после определенных сроков опрощаться до бедности и спускаться к самому подножию социальной лестницы? И вообще исчезать?

В этой связи заглянул Иван, наконец, и в Интернет, дабы узнать, что же такое ушу. В его философическом изводе.

Путаницы там было много. Но что-то и сходилось. Иван, конечно, выбрал для себя то, что оказалось ближе его сердцу.

«Ушу» переводилось с китайского как «боевые искусства». Происхождение имело из буддийских и даосских монастырей. И хотя многие мастера избирали военную карьеру, некоторые стили ушу вообще не предпо-

лагали боевого использования, а были связаны с магическими практиками.

Еще утверждалось, что есть два ушу, по сути – отдельные, не связанные. Одно воспитывает человека-воина, способного спокойно и без злобы противостоять профанному миру. Это путь безукоризненного мастерства, а не банальное обучение боевым приемам. Другое ушу – путь внешний, показной, – с приемами.

Чем дальше ученики-последователи продвигаются вперед, тем меньше остается людей, способных выдержать все нарастающее внутреннее напряжение. Они отпадают, спотыкаясь о ложные цели или свои амбиции. Настоящие последователи называются «идушие по Пути» или «вступившие на Путь», они и есть «занимающиеся искусством» под руководством мастера-наставника. Наставники передают последователям не столько технические приемы, сколько учение «от сердца к сердцу». Учение же есть передача личных свойств и переживаний просветленного учителя. Поэтому и нет никаких секретов, которые можно было бы «подсмотреть», украсть или выдать.

Смысл жизни наставника – в сохранении духовного импульса, истины, которую нельзя растерять в бренном мире. Суть – вступить в контакт с миром духов, обрести

«иное» сознание, покинуть – если надо – пределы физического тела.

Длинный ряд упражнений мог подвести к определенной черте, способствовать прорыву в область изначального опыта, но все зиждилось на природной предрасположенности. И даже в этом случае некоторым методикам, которыми технически можно овладеть за несколько месяцев, последователей обучали десятилетиями – у них стремились развить способность к трансценденции сознания.

И ради этого можно пожертвовать карьерой, удалиться на старости лет в уединенную деревню или горный скит.

Или стать гардеробщиком.

На этом Ивану, вроде, можно было и успокоиться.

Все у Хлудова должно быть по-своему хорошо.

Но в душе и сердце все равно свербело.

Как-то Иван в одиночестве задумчиво курил на кухне. Вспомнил и буквально физически, дуновением ощутил тот холодок, который то нарастал, то таял между ним и Хлудовым.

А потом вдруг взял и ткнул себя указательным пальцем в шею под ухом. Попал.

Перед ним сидел Хлудов и улыбался сквозь бороду:

– Вот так-то, Иван Сергеевич. А говорил – не попадешь...

КРЫСИН И РЫБИН

Скрежетало не железом о причал, а у Крысина в голове, словно голова его была составлена из плохо подогнанных, внахлест, кусков жести.

Но катер они подали вовремя.

Бывший рыболовецкий мотобот, резиново поскрипывая, терся левым бортом об автомобильные покрывки. Рыбой он все-рез давно не промышлял, а был свежевыв-

крашен и пристойно ухожен для прогулочных нужд.

Пахло соляром, железом и синей краской. Под сходящими сумрачно и смачно хлюпала вода.

– Рыбин, Рыбин, Рыбин, – представлялся входящим на борт капитан в военно-морском застегнутом черном бушлате и лихой капитанской фуражке, натянутой по самые

уши – ветер с севера, от истока Ангары дул резвый.

Пуговицы бушлата были начищены, лицо Рыбина источало преувеличенное радушие, которое, впрочем, не помогало скрыть следов вчерашних злоупотреблений. Глаза его, стесняясь, предательски бегали.

Крысин с Рыбиным приняли на борт пятерых пассажиров: полноватую женщину и двух мужчин средних лет, приезжих, и пару очень похожих на сестер местных девушек.

Рыбин, будучи капитаном, мотористом и матросом в одном лице, сам отдал концы и чинно проследовал в рубку. Тут же и отчалили, набирая скорость против набегающих волн.

Пассажиры, как обычно в начале пути, выстроились полукругом на носу и пристально всматривались в туманную пока даль, скрывавшую противоположный, высокий и скалистый, байкальский берег.

– А вот когда тебе будет страшно? Что ты будешь делать? – продолжая начатый еще на берегу разговор, сказала-спросила Елена Павловна, улыбаясь всем своим круглым добрым лицом.

Симпатичные сестренки Крафт переглянулись и посмотрели на Степана Аркадьевича.

Поправив круглые очки и огладив короткую бороду, Степан Аркадьевич в ответ заинтересовался:

– Только мне?

– Ну... – задумалась Елена Павловна.

– Один – спрячусь...

– Кругобайкальская железная дорога, – воспользовавшись паузой, встрял в разговор Андрей Валентинович, лысоватый и явно самый умный, с печалью интеллекта во взгляде, и продолжил с интонацией электронного навигатора зачитывать с экрана айпада, – на самом сложном участке в восемьдесят пять километров от порта Байкал до Култука насчитывает тридцать девять туннелей, общей протяженностью восемь тысяч девятьсот девяносто четыре метра,

и шестнадцать отдельно стоящих галерей, около четырехсот семидесяти водопропускных сооружений и виадуков, мостов, труб, порядка двухсот восьмидесяти комплексов опорных стенок различного назначения...

– Допустим! – Елена Павловна смело вскинула глаза с длинными ресницами. – А если не один?

– На каждый километр дороги было потрачено около вагона взрывчатки, – завершил свой познавательный экскурс Андрей Валентинович, улыбнулся и недобро посмотрел на Степана Аркадьевича.

– Не один – спрячу, – Степан Аркадьевич чувствовал, что случайный разговор начинает приобретать оттенок двусмысленности. – Главное – чтоб глаза светились, – добавил он примирительно.

Сестры Крафт вновь переглянулись – уже не так коротко, а со вниманием и задержали взгляды друг на друга.

Вдалеке сквозь светящийся туман вперые проявились каменные очертания другого берега.

Все замолчали.

Низкий ветер вскоре загнал их вниз, в каюту, освещенную двумя рядами иллюминаторов по бортам и одинокой лампочкой под потолком.

Величественный в тесноте каюты Крысин колдовал над кастрюлей с закипающей водой.

Его крупную голову, едва не упиравшуюся в потолок, венчал немислимый темно-вишневый берет, всем откуда-то смутно знакомый.

– У Рембрандта была огромная коллекция одежды. Он любил в нее наряжаться сам и наряжать гостей, – сообщил Крысин, бросая в воду лавровый лист, горошки черного и белого перца и посыпая в кастрюлю одну за одной, неравными щепотками, разные травы. Запах по каюте витал влажно-пряный и немного наркотический.

Под столом стоял ящик водки.

В углу дерматинового дивана, застеленного поверх поролоновым ковриком, грудой лежала разноцветная одежда вперемешку с разнообразными головными уборами – впрочем, менее экзотическими, чем рембрандтовский берет Крысина.

– О! – сказал Андрей Валентинович и выбрал себе капитанскую фуражку с золотистым якорем.

Елена Павловна предпочла цветастую шаль с бахромой и тут же накинула себе на плечи.

Сестренки Крафт и так оказались в тельняшках – они просто скинули куртки и повязали друг другу шейные платки – красный и желтый. Что их теперь друг от друга хоть немного отличало, так как обе они были еще и в одинаковых джинсовых юбках и белых кроссовках на босу ногу.

Степан Аркадьевич, посмеиваясь, водрузил на голову кожаную ковбойскую шляпу, равнодушным взглядом оценив приятные формы сестренки.

– Уауа! – удовлетворенно произнес Крысин, оглядев команду. И тут же забросил в кастрюлю первую сотню пельменей из запаса, вылепленного собственноручно накануне.

– Помочь? – поинтересовалась Елена Павловна.

– Сейчас, – ответил Крысин, помешав пельмени шумовкой. – И сдвинем их разом, – добавил он, имея в виду граненые с ободком стаканы, кружком стоявшие в центре стола. – Сюда, сюда!

Степан Аркадьевич его понял и принялся переставлять стаканы, остальные ему помогли. Семь стаканов ровно выстроились по краю стола, словно перед началом неизвестной настольной игры. В первые три Крысин налил по четверти, в следующие три – по половине, а седьмой, достав вторую бутылку, наполнил до краев.

Пельмени быстро, справедливо и щедро были разложены по разновеликим эмалированным тарелкам.

– Соль-перец, кетчуп-майонез – на столе, – Крысин поднял стакан. Остальные разобрали свои: по верному ранжиру – женщинам по четверти, мужчинам – по половине. И лишь полный остался ближе к углу стола. – За Байкал-батюшку!

Но, прежде чем чокнуться, Крысин открыл иллюминатор и, опуская безымянный палец в стакан, четырежды, крестообразно стряхнул капли водки наружу – в сторону воды, неба и двух берегов.

Крысин выпил легко и залпом, женщины пригубили, Андрей Валентинович осилил половину своей половины, и лишь Степан Аркадьевич, хоть и поперхнувшись, последовал примеру Крысина.

Устойчивые шаги по трапу не заставили себя ждать.

Капитан Рыбин, оглядев закусывающих, кивнул, поднял полный стакан и просто вылил его содержимое в себя. Даже не хмыкнув, он снова кивнул и, не закусывая, развернулся – и лишь пятки кирзовых сапог со стоптанными каблуками еще мгновение напоминали о его недавнем присутствии.

– Н-да, сибирский характер, – проговорил Андрей Валентинович, но все, кроме Крысина, почему-то посмотрели на него с осуждением.

«Сибирский характер» был местной фигурой речи, употребляемой излишне часто – по поводу и без, над которой заезжие гости беззлобно, а иногда и ернически подсмеивались.

Крысин же, освежив стаканы, усмехнулся:

– Вы, Андрей Валентинович, зря в очередной раз иронизируете... Это ж веками цементировалось. Крови и кровей тут понамешано. Я тут давеча Степану Аркадьевичу уже рассказывал. Про Слюдянку, – Степан согласно кивнул. – Первопроходцы – казаки, голь всякая перекатная сюда поначалу перла, за ними государство подтягивалось. Остроги строили, все как-то обустраивалось. Кто только сюда не добредал... Сильные поляки и армяне держали тут торгов-

лю, евреи – почтовый тракт, китайцы были лучшими горными рабочими, немцы – инженерами. Где они теперь все? – Крысин бросил быстрый добрый взгляд на сестренку Крафт. – Кроме потомков немцев и китайцев, но уже на других ролях? Ну, армяне по-прежнему торгуют. А остальные? Перемешались... Вот вам и «сибирский характер» – та самая гремучая смесь!

– А вы сами из каких будете? – дабы снизить пафос, поинтересовался Андрей Валентинович.

– Из ссыльнокаторжных...

Выпили еще, кто сколько смог, и Степан Аркадьевич отправился наверх, на палубу – подышать и покурить.

Солнце, поднявшись с востока, со стороны недалекой Японии, уже съело туман.

Дверца рубки была приоткрыта, и Степан Аркадьевич туда непроизвольно заглянул.

Капитан Рыбин мирно спал на коротком топчане.

Никем не управляемый катер шел наискосок Байкала сам по себе.

На палубу вышел Крысин в вишневом берете, похожий одновременно на Фауста и Мефистофеля.

– У нас все в порядке? – осторожно спросил Степан Аркадьевич.

Крысин мельком поинтересовался внутренностью рубки и состоянием Рыбина.

– Доверьтесь мне, как поет Елецкий в «Пиковой даме», – склонившись к уху Степана, заверил Крысин. И не отстраняясь от уха поинтересовался: – Вам сестренки Крафт нравятся?

– Ну да, миленькие, – не без удивления от столь резкой смены темы легко признался Степан Аркадьевич.

– Вы с ними поосторожнее...

– В смысле?

Рыбин в рубке надсадно закашлялся, перевернулся на другой бок и снова затих.

Исток Ангары уже раздвинул все еще далекий берег, обозначив слева мелкие строения порта Байкал, а справа – взбира-

ющиеся по зеленому склону белые домики Листвянки.

– Вот там, – указуя перстом на сиренево-синие байкальские волны, бегущие к порту Байкал, – прямо напротив мыса Малый Баранчик, потонул драматург Вампилов.

– Стремное место?

– Стремнина там сильна. Ангара берет начало... – едва ли не пропел густым басом Крысин и поправил двумя пальцами вишневый берет.

Вдоль подошвы ровных скальных гряд, на границе воды и камня начала кое-где извилисто обозначаться в прохладной утренней синеве выемка и обволакивающие туннели Кругобайкальской железной дороги, уходя, заворачивая к невидимому западу. Солнце золотисто подсвечивало скалы и несколько раз остро сверкнуло рельсами.

– Там, за поворотом, – вновь указал Крысин, – в районе восемнадцатого туннеля у ручья Киркерей мой прадед, уже освобожденный из Александровской каторжной тюрьмы, забивал последний костыль на стыке Великого Сибирского пути. То есть, формально и натурально его забивал министр путей сообщения князь Хилков, а прадед, тоже Михаил Иванович, ему костыль подносил и кувалду, а тот в три удара его и вогнал в шпалу! Наш был человек Михаил Иванович!

– Князь или прадед?

– Оба, – чуть уязвленный иронией выдал Крысин, словно печать поставил. – И родом были из одной Тверской губернии, Бежецкого уезда. Хилков был еще тот князь, не из простых!

– Да ну?

– Как водится, окончил Пажеский корпус. Служил в лейб-гвардии егерском полку. В отставку вышел штабс-капитаном. Недолго пробыл чиновником МИДа и уехал с товарищем на два года путешествовать по Европе и Америке. Вернувшись, был мировым посредником Бежецкого уезда. Но долго не усидел – снова отправился за океан. Там по-

ступил в англо-американскую компанию по сооружению Трансатлантической железной дороги. Простым рабочим. А спустя четыре года стал там заведовать службой подвижного состава и тяги. После Америки около года был слесарем на паровозном заводе. В Ливерпуле. А вы говорите – князь!

Степан Аркадьевич ничего не говорил и со вниманием слушал все более увлекающегося собственным рассказом Крысина – у того аж щеки покраснели, несмотря на пронзительный синий ветер от носа к корме. Движок катера усердно и размеренно стучал в такт его словам, лишь изредка меняя тон, когда катер рассекал особо буйную и крепкую волну.

– В России князь служил на Курско-Киевской и Московско-Рязанской железных дорогах. Во время русско-турецкой войны был уполномоченным Красного Креста при санитарном поезде. Ему благоволила будущая императрица Мария Федоровна, под чьим покровительством сей поезд находился. Потом строил и возглавлял разные железные дороги. Даже в Болгарии побыл главным инспектором тамошних. И стал, наконец, министром путей сообщения Российской Империи.

Крысин торжественно обвел взглядом пространство от востока до запада:

– Граф Витте, правда, обозначив его как человека высшего света, прекрасно знавшего железнодорожное дело, – Крысин своей замысловатой фразе помогал правой дирижерской рукой, – чрезвычайно воспитанного и по существу хорошего, не преминул заметить, – Крысин поднял к небу указательный палец, – что при всем том князь всю свою жизнь оставался скорее обер-машинистом, нежели министром, и отказывал ему в звании человека государственного...

– Вижу, вы бы с графом поспорили?

– Ну это уж как там государство понимать, – не стал вдаваться в тонкости Крысин. – А кто организовал работы по строительству КВЖД? И Транссиба? Да той же

Кругобайкалки нашей? Один английский корреспондент во время Русско-японской войны признал князя Хилкова более опасным противником для японцев, нежели военный министр Куропаткин. Грузы-то военные и войска шли как надо и куда надо! А доконала его первая революция и забастовки, с которыми он не справился и уж окончательно ушел в отставку. Ну да, расстреливать он своих точно не умел! Зато у нас на вокзале в Слюдянке ему бюст стоит. А прадеда моего, когда костыль забил, пожаловал... – подвел Крысин вновь к своему, родному, былинному.

– Как зовут тебя, добрый молодец? – отдавая кувалду прадеду-Крысину и вытирая пот со лба, добродушно и ласково спросил князь Хилков.

– Михаил Иванович мы, ваше сиятельство, – солидно отвечал прадед.

– Тезка, значит... – улыбнулся князь и огладил свою седую бороду-метелку. – Тогда держи на память о последнем нашем костыле, – и он протянул прадеду-Крысину золотую десятирублевку.

– Благодарствуем, ваше сиятельство, – принял тот с поклоном подарок.

– Сохранилась? – полюбопытствовал Степан Аркадьевич.

– Не... – развел могучими руками Крысин. – Прадед тогда денег поднакопил, червонец этот золотой присовокупил и открыл москательную лавку. Краски, олифа там, керосин – в Маритуе. А вот кувалду ту я недавно в музей отдал при станции Слюдянка. Вот как.

Между тем на палубу как раз поднимались сестренки Крафт в тельняшках и с платками – красным и желтым – на тонких красивых шеях. Их не слишком длинные темно-русые волосы были забраны в затылках: у красной сестры – простой синей резинкой, у желтой – зеленым губчатым валиком. А потому как волосы у обеих в нижнем течении были замысловато тронуты красным, синим и желтым, торчащие

вверх хвостики разлетались трогательно и совсем уж многоцветно. Вслед за ними оказалась светлая голова Елены Павловны, кутавшейся в цветастую шаль, и чуть загоревшая лысина Андрея Валентиновича. Он капитанскую свою фуражку держал в руках, но, ступив на палубу, вновь водрузил на голову.

Степан Аркадьевич встал так, чтобы заслонить проходящим от кормы к носу вид на спящего в рубке Рыбина, а сам бросил два быстрых внимательных взгляда на шейки сестренки, покрытых одинаковым чудным светлым пушком.

Пропустив их мимо, Степан Аркадьевич быстро склонился безо всякого сарказма к Крысину:

– А почто прадед-то в каторжные работы попал?

– В пьяной деревенской драке, по молодости, троих убил...

– Угу, – чуть о другом задумался Степан Аркадьевич.

– А то ж? – понял его Крысин.

Берег казался уже столь близким, что, наверное, можно было бы разглядеть лица людей в окнах домов, если б оттуда кто выглядывал. Но даже на улицах и пристани никого там не наблюдалось.

Сестренки Крафт обернулись к окну рубки, над нижним обрезом которого торчали ручки штурвала и где должна была бы возвышаться уверенная фигура капитана. Но и тут никого не было.

– Ох, не пора ли? – Степан Аркадьевич вложил в голос всю имевшуюся строгость, но получилось отчасти даже жалобно. Недоумение, если не сказать страх, неуправляемый, колкий и неотвратимый, заставили его судорожно потереть вспотевшие ладони.

– Попробуйте, – мрачно, но спокойно ответил Крысин, скосив глаза в сторону рубки, а сам отправился на нос – не иначе, как поддержать товарищей.

Степан Аркадьевич вошел в рубку и даже прикрыл за собой дверь. Рыбин лежал на

топчане лицом к стене и не подавал видимых признаков жизни.

Степан Аркадьевич сначала осторожно, потом и крепко потряс Рыбина за плечи – в ответ не раздалось даже сонного бормотания.

«Без паники», – сказал он себе и, сделав шаг к штурвалу, положил ладони на его вытертые до блеска деревянные ручки.

С высоты капитанского места хорошо просматривался нос катера, где стояли пассажиры. Их возможные взгляды в сторону рубки перекрывала широкая спина Крысина, обеих же сестер Крафт он приобнял за плечи, не давая им возможности даже случайно обернуться.

Отсюда же было отчетливо видно и прямотаки чувствовалось всем нутром, что катер идет прямо на стремнину Ангары.

Попробовав подать штурвал вправо – а по фильмам Степан Аркадьевич хорошо помнил, что штурвал надо крутить ровно в противоположную сторону от чаемого поворота – он понял, что тот закреплен намертво. Обнаружились и две едва оструганные доски, похоже, от фруктового ящика, стоявшие враспор между нижними ручками штурвала и полом рубки.

«Экий находчивый», – мелькнуло по поводу Рыбина.

Степан Аркадьевич обернулся на него – тот оставался недвижим.

Он опустил ладонь на ручку газа.

– Не трожь, – раздалось позади. И его не грубо, но беспрекословно отстранили.

Рыбин, даже не помятый, спокойно занял свое капитанское место.

По молчаливому соглашению с ним Степан Аркадьевич позволил себе остаться в рубке.

Ангара осталась правее, но берег и причал порта Байкал надвигались с угрожающей быстротой.

Двигатель заработал тише и катер заметно сбавил ход.

Спина Крысина выражала полное и расслабленное удовлетворение. И – Степан Ар-

кадьевич почувствовал это вполне въяве – гордость за капитана, видимо, очередную. Похоже, подобный аттракцион с неуправляемым катером они с Рыбиным устраивали не в первый раз.

Проход к береговому причалу был довольно узким. Но Рыбин, еще лишь чуть сбавив обороты, вписался в него с нагловатым изыществом. Совсем застопорив машину, так что катер остановился буквально в метре от бетонного волнореза, он дал задний ход и боком начал швартоваться. Двигатель чихнул и затих.

Катер сам, неторопливо и послушно, как хорошо обученный пес, аккуратно придвинулся правым бортом к причалу.

Рыбин спрыгнул на берег. Крысин бросил ему носовой конец. Рыбин тут же восьмерками накрутил его на причальный кнехт. Столь же ловко они разобрались и с кормовым. И тут же подали сходни.

Людей вокруг не было, даже собак. Только справа от причала возвышалось новенькое здание из гофрированного металла, откуда раздавались размеренные ухающие звуки.

– Это заводик по розливу байкальской воды, – пояснил Крысин. – С глубины четырех метров качают.

– А народ-то где? – вальяжно поинтересовался Андрей Валентинович.

– Да там – автоматика, – закидывая за спину армейский рюкзак, отмахнулся в сторону заводика Крысин.

Степан хотел оставить свою ковбойскую шляпу на катере, но в последний момент его остановил Крысин:

– А шляпу-то лучше наденьте, Степан Аркадьевич!

Чем выше они поднимались на взгорок к поселку, тем становилось тише и тревожнее.

– И куда это впрямь все подевались? – простодушно изумилась Елена Павловна, кутаясь в шаль, хотя уже подступала полуденная жара.

– Занавеска, – сказала желтенькая сестренка Крафт.

– Что, занавеска? – излишне резко обернулся на нее Андрей Валентинович.

– Шевелится, – добавила красненькая Крафт.

– Это – ветер, – негромко улыбнулся Степан Аркадьевич, но и ему стало не по себе. И впрямь, откуда в доме с закрытыми окнами ветер?

Все посмотрели на Крысина.

– Ничего-ничего, – ответил Крысин. – Тут и не такое бывает.

– Наверное, от жары все попрятались, – пробурчал Андрей Валентинович.

– Точно, у них сиеста, – язвительно согласился Степан Аркадьевич. И с размаху хлопнул себя по левому плечу: – Вот же гады!

Слепни атаковали внезапно и очень больно. Степану Аркадьевичу, в красной и уже пропотевшей на спине футболке, досталось особенно. Но едва они поднялись еще выше и оказались на центральной улице поселка, как исчезли и слепни.

Обычного деревенского вида дома по обе стороны улицы совсем не подавали признаков жизни, хотя и выглядели вполне ухоженными, а кое-где наличники, калитки и крыши были явно недавно покрашены: цвета преобладали голубые и зеленые.

Зато появились запахи. Щекотно-горький и густой пепельный, словно от растертых в ладонях еловых иголок пополам с баннным чуть подсохшим веником.

Середина улицы, там, где обычно бывает бульвар, заросла изумрудно-серебристой полынью в человеческий рост и столь же высокими, но более раскидистыми и наглыми, с зазубренными семипальными листьями кустами конопли.

Запахи раздували ноздри и заставляли ускорить шаги.

Молча прогулявшись по улице вверх, развернулись: внизу холодно пламенел под солнцем Байкал, левее у причала стоял их катер, справа громоздились каменные, бело-желтые кряжи, ближе к берегу оставляя узкое и плоское свободное пространство,

откуда теперь брала начало железная дорога, совсем недалеко исчезая в темном зеве первого туннеля. Туда и направились, далеко друг от друга не разбредаясь.

В одном из домов по правую руку, с роскошным ухоженным палисадником, в крайнем левом из трех окон сидела пегая кошка с пронзительными подозрительными глазами. Все остановились, даже коллективным разумом не в силах понять, неподвижная кошка – настоящая или создана искусными руками таксидермиста? Но мелькнувшая на мгновение женская рука настолько быстро смахнула ту с подоконника, что тайна так и осталась неразгаданной. Продолжительные стуки в калитку ответа тоже не принесли, пришлось двинуться дальше.

Магазин и почта, попавшиеся на пути вниз по извилистой и ухабистой улочке, были сломаны пополам. Они располагались на уклоне, в длинном деревянном доме на краснокирпичном фундаменте, расколовшемся по центру, отчего магазин заваливался влево, а почта – вправо. Стена по центру змеилась опасными трещинами, и лишь крытая серым шифером крыша осталась целой, хотя и напряглась под тяжестью клонившихся половинок здания: еще чуть-чуть – и хрустнет с треском, и тогда магазин с почтой уж точно расползутся в разные стороны, словно немолодая семейная пара, утратившая смысл совместного существования. Двустворчатые двери обоих общественно значимых заведений, выкрашенные в бледный небесный цвет, наискосок перечеркивались железными коваными запорами, запертыми на какие-то совсем несерьезные мелкие замки, годные скорее для привлечения, нежели для острастки случайных воров, если б те сюда неведомым образом забрели.

Воспользовавшись заминкой настороженного созерцания, Андрей Валентинович нейтрально-механическим голосом воспроизвел с экрана айпада:

– Участок Кругобайкальской железной дороги от станции Иркутск-Сортировочный до поселка Байкал, проходивший по левому берегу Ангары, был в пятьдесят шестом году разобран. И полностью затоплен в пятьдесят восьмом после строительства Иркутской ГЭС в процессе заполнения Иркутского водохранилища. Линия от поселка Байкал до Слюдянки стала тупиковой.

– Последовательность – неверна, – не слишком весело заметил Степан Аркадьевич.

– Какая еще последовательность? – То, что Андрей Валентинович стал раздражаться по каждому мелкому поводу, ничего хорошего не предвещало.

Но Степан Аркадьевич не поддался на откровенный намек обстоятельств и не стал обращать внимания на умоляющий взгляд Елены Павловны.

– Тупик – не там, – махнул он рукой в сторону противоположного берега, примерно в сторону Слюдянки, – а здесь! – Вслед за ним все перевели взгляды на хорошо видимый отсюда бело-черный, в наклонную полосочку, тупиковый упор, обозначавший то ли и впрямь конец, то ли все-таки начало железнодорожного пути. Правее от него, прижимаясь к скалистому склону, стоял вагончик со ржаво-зеленой крышей, к нему по воздуху тянулись провода.

Ветер со стороны Байкала принес аромат нагретого железа и шпал. Шпалы тут были настоящие, пропахшие креозотом.

Крысин и сестры Крафт благополучно промолчали, но Андрей Валентинович все равно взорвался:

– Ну что ты обстановку напрягаешь, умник херов?!

– Па-азвольте!

– Спокойно, господа, все под контролем! – успокоил их Крысин, но глаза у него были явно не на месте: со стороны причала в тишине зарокотал мотор.

Катер вырuling из причальных теснин, резво вышел на открытую воду и вскоре скрылся из виду.

– И куда это он? – вспышку ярости в Андрее Валентиновиче погасило ледяное изумление.

– Да, поди, в Листвянку решил сбегать. Там у него – кума, – расплывшись улыбкой, пояснил Крысин.

– Ну, к куме, так к куме, – сохраняя на лице мрачность, развеселился Андрей Валентинович. – Что дальше-то у нас по программе?

Крысин неопределенно пожал плечами, поправил берет:

– Посмотрим...

– А на хрена мы во все это вырядились? – опять начал заводиться Андрей Валентинович.

– Не лишнее... – негромко ответил Крысин, окончательно запутав и так истончающуюся ясность ситуации.

Андрей Валентинович взялся за козырек своей капитанской фуражки, снял ее, повертел в руках и, не зная, куда пристроить, снова вернул на голову. Елена Павловна в который раз поправила на плечах шаль. Сестренки Крафт потерели уголки шейных платков. Глядя на них, одну в платке красном, другую в желтом, Степан Аркадьевич понял, что совсем в них запутался, в смысле имен, когда-то произнесенных, и решил этим более не заморачиваться.

Улица, спускавшаяся от сломанного дома, ближе к берегу расступилась шире, утратив по сторонам последние признаки хоть какого-то жилья, зато украсилась раскидистыми кустами гортензии, которую японцы именуют фиолетовым солнцем. Присутствие столь цивилизованных и капризных цветов в неподобающем им месте тревожно щекотало ноздри горьким медовым ароматом.

Вдоль кромки берега, по дуге забирая вновь к байкальским просторам, пролетела неправдоподобных размеров чайка с черным клювом и розовыми лапами.

– Альбатрос, – определила сведущая в орнитологии Елена Павловна.

– Здесь нет альбатросов, – неуверенно проговорил Степан Аркадьевич.

– Ну да, конечно, это мы конопли нанюхались, – привычно защитил Елена Павловну Андрей Валентинович.

Сестры Крафт и Крысин промолчали, но проводили птицу короткими напряженными взглядами.

Между креозотными шпалами и по бокам железная дорога была обсыпана чистым, словно свежeweымытым, с красными и синими оттенками и блестками щебнем, остальное пространство представляло собой ровную плоскую и будто кем-то хорошо утопанную площадку от края берега до основания скал.

Покрытый наискосок и внахлест выцветшими местами до белизны синими досками вагончик без колес приглашающе открыл дверь, которая тут же скрипнула под порывом случайного ветра и распахнулась, громко, металлически звякнув о стенку.

– Сто семьдесят три белки...

Андрей Валентинович посмотрел на Степана Аркадьевича с откровенным недобрым подозрением, но тот, почувствовав себя не под его, а под Елены Павловны взглядом виноватым, пояснил:

– Скачут, скачут, безобразничают...

Молча, медленно, не сговариваясь, приблизились к двери вагончика.

Там оказалась обыкновенная продуктовая лавка, как и следовало ожидать, без продавца и покупателей. Остро пахло сеledкой и вкусно ласково-свежим черным хлебом.

Внутри первым вошел Крысин, за ним, бочком и с опаской, мешая друг другу, просочились и остальные.

Несмотря на яркие запахи, остальной выбор был скуден: краковская и докторская колбаса, сыр «Российский», «Голландский» и «Сметанный», водка, портвейн «777», газировка «Буратино» и «Ситро», печенье, чипсы и мороженое в отдельно урчащей морозильной камере сбоку от основного прилавка.

Возле механических весов с набором разновеликих гирек Степан Аркадьевич углядел совсем тут неуместный pos-терминал для оплаты банковскими картами.

Присутствовали и несъедобные товары, но вовсе не приличествующие туристическому месту сакраментальные магниты для холодильника и тарелки с видами извивов и туннелей Кругобайкальской железной дороги. На крюках, вбитых в стену, висели хищные устройства с зазубренными дугами, при внимательном рассмотрении оказавшиеся медвежьими капканами, взгляд на которые заставил добрую Елену Павловну поежиться, боевые тугие луки и стрелы в кожаных колчанах, с острыми серебристыми наконечниками, с такими же, только более массивными остриями в углу стояли копья с длинными, в человеческий рост древками. Рядом с этими всерьез устрашающими, а вовсе не бутафорскими предметами значились цены, четырехзначные, что хотя бы оправдывало наличие банковского терминала.

– Тут что, практикуется экзотическая охота? – Степан Аркадьевич, не нарочно, но лихо сдвинул на затылок ковбойскую шляпу.

Крысин поджал плечи и кивнул:

– Дамам мороженое или...

– Нет, – перебил его Андрей Валентинович, – можно, наконец, ответить на прямо поставленный вопрос: зачем здесь все это? На кого охотиться?

Крысин посмотрел на него как на капризного поднадоевшего ребенка:

– На дракона...

– Какого еще дракона, что вы несете?

– Мифического, – примирительно заулыбался Крысин. – Есть любители... – Похозяйски сдвинув крышку, он достал из морозильника три эскимо и протянул их Елене Павловне и сестрам Крафт. Те покорно угощение разобрали. – Может, кто еще чего желает? – Мужчины не откликнулись. Тогда Крысин вынул бумажник и оставил на большой чаше весов пару сотен рублей, при-

давлив их одной из гирек: стрелка на весах показала примерно сто семьдесят три грамма, но это заметил, кажется, только Степан Аркадьевич.

Ответ про дракона, как ни странно, всем показался исчерпывающим, хотя и ровным счетом ничего не объяснял. А, может, как раз объяснял все: и тишину, и коноплю, и подозрительную кошку, и гортензии, и, в первую очередь, полное отсутствие людей в отдельно взятом береговом поселке Байкал.

– У Дино Буццати есть рассказ про то, как убивали дракона... – задумчиво проговорил Степан Аркадьевич.

Андрей Валентинович недобро обернулся к нему уже на пороге:

– И что?

– А тот оказался девочкой... То есть... Ну да неважно...

Выйдя из вагончика, они направились вдоль железной дороги вслед за уверенно двинувшимся Крысиным в сторону ближайшего туннеля. Рюкзак за плечами Крысина выглядел пустоватым, но достаточно тяжелым.

Шагов через двести Крысин, сопровождаемый по бокам и чуть сзади сестренками Крафт, проскочил вместе с сестрами вперед, остальные же резко остановились, словно перед ними опустили шлагбаум.

Их путь со стороны берега, незаметные на щебне, но четко видные на утопанной земле, пересекали циклопического размаха четырехпалые следы, сворачивая к туннелю. Следы выглядели свежими и сохранили не только глубокие впадины от когтей, но и вдавленные отпечатки всех четырех пальцев.

– Похожи на куриные, – рассмотрев их повнимательнее, сказал Степан Аркадьевич.

– Где ты видел курицу таких размеров? – стараясь сохранять спокойствие, поинтересовалась Елена Павловна.

– Да еще чтоб она на передние лапы припадала?! – подвел итог Андрей Валентинович.

вич, указывая на более мелкие, уже трехпалые и менее заметные следы в промежутках между крупными.

Рассуждения прервал чихающий звук мотора: катер нагонял их, двигаясь вдоль берега странной «походкой» – несколько зигзагами и словно приседая: похоже, Рыбин у кумы принял изрядно даже по его несгибаемым меркам. Катер проследовал мимо них и скрылся за скалой, обтекающей сверху туннель.

Вырвавшийся из темного туннеля пыльный ветер донес прогорклый запах пережаренного сала и чей-то тяжкий глубокий вздох, переходящий в сиплый свист.

Опередившие приезжих уже шагов на десять Крысин и сестры Крафт одновременно обернулись.

– Страдает... – широко развел руками Крысин. – С водопоя шел, – проведя быстрым взглядом вдоль цепочки следов, добавил он с таким выражением, будто чему ж тут удивляться?

Самый страшный фильм в своей жизни Степан Аркадьевич видел про муравьев, мириадами поселившихся под землей обычной местности и единой шевелящейся массой вылезавших из своей преисподней, чтобы мгновенно обволакивать и пожирать все встречное живое до белизны костей. И сейчас у него ощущения были не из приятных.

С одной стороны, все происходящее напоминало бред или хотя бы безумный розыгрыш. Но для бреда они были все-таки слишком трезвы, на розыгрыш же подобного масштаба надо было потратить столь значительные человеческие, организационные, да и финансовые, между прочим, ресурсы и усилия, что подобный вариант опять же выворачивал к бреду. Причем, в цепочке событий, последовательно обраставших больно царапающими воображение подробностями, часть деталей – спящий капитан, покинутый людьми поселок, заросший коноплей, неподвижная кошка, даже откры-

тый, без продавца магазин – выглядели если и дико, то хотя бы правдоподобно, другие же – залетный альбатрос, медвежьи капканы, луки, стрелы и копья, когтистые следы, прогоркло-жареный запах ветра – на фоне упоминания пусть о мифическом, но все же драконе шли совсем уж вразрез с привычным доверием к повседневности. И еще все больше смущали сестренки Крафт: ведь зачем-то Крысин их позвал? Не просто же украсить собой компанию? И его предупреждение быть с ними поосторожнее...

Андрей Валентинович размышлял примерно так же, лишь не касаясь пока роли сестер во всей этой истории, Елена Павловна от накатившего и заморозившего ее страха старалась вообще не думать. Какой мусорный ветер свистел в голове у Крысина, да, поди, и у сестренок Крафт, оставалось очередной загадкой, которую уже, впрочем, хотелось бросить, не начав разгадывать и особо не углубляясь в чужие дебри.

Андрей Валентинович, видимо, чтоб отвлечь и успокоить Елену Павловну, вновь уткнулся в свой айпад и забубнил:

– Серьезной проблемой для КБЖД являются до сих пор частые обвалы и селевые потоки. Массовая подрезка крутых склонов, спускавшихся к озеру, во время строительства дороги спровоцировала катастрофическую активизацию геодинамических процессов. Мало того, выполнение работ, связанных с применением взрывчатых веществ, привело к образованию многочисленных трещин в толще скал. Были сделаны выводы о необходимости расширения строительства подпорных стенок, срезки косогоров и других мер. В ряде мест пришлось обходить опасные участки новыми туннелями. Тем не менее, несмотря на высокую активность по предотвращению опасных природных явлений, обвалы являлись крайне частым и опасным явлением на КБЖД, зачастую приводя к крушениям и многодневным перерывам в работе дороги. Срезка склонов и уборка одиночных

глубь проходила на протяжении многих лет, но интенсивное разрушение склонов шло и продолжается и по сей день. По воспоминаниям старых машинистов, поездки по Кругобайкальской железной дороге всегда были какими-то особенными – и важными, и тревожными.

– Но мы-то никуда не едем, – жалобно растягивая губы, улыбнулась Елена Павловна, но первая и сделала шаг вперед, словно стоять на месте ей было совсем уж невмогуту.

«Шлагбаум» поднялся, а дракон, похоже, задремал.

Без происшествий они добрались до туннеля и углубились под его сумрачные своды, где было прохладно, влажно и совсем не пахло пережаренным салом.

Шли медленно, сбоку от дороги, по остроумскользкому щебню, гуськом: Крысин, сестренки Крафт, Степан Аркадьевич, Елена Павловна, Андрей Валентинович замыкающим.

Степан Аркадьевич уткнулся взглядом в спину ближней сестренки, обтянутую тельняшкой, чуть сползшей к правому плечу. Тонкая ее шейка, едва прикрытая алой полоской платка, волновала и вновь настораживала.

Туннель, снаружи казавшийся совсем недлинным, все продолжался: свет в его конце с каждым шагом вовсе не приближался, а лишь маячил наподобие случайной оптической иллюзии на туманной границе зрения.

Уха Степана Аркадьевича коснулось близкое дыхание Елены Павловны:

– А вот теперь-то тебе страшно?

Степан Аркадьевич обернулся, но Елена Павловна двигалась за ним, сосредоточенно глядя себе под ноги и, похоже, не ожидая ответа. А может, даже ничего и не спрашивала.

Взгляд Степана Аркадьевича сосредоточился на тощем тяжелом рюкзаке Крысина, и он стал думать: что же в нем? Но мысль

перебилась другой. Он вдруг отчетливо понял, чего ему так не хватало в этом пустом от людей поселке на берегу великого озера, и что всегда присутствовало в любом, самом затрапезном новом месте, а именно – остро хорошего любопытства к иной жизни, ее деталям. Здесь же все облеклось, причем сразу, еще по пути, на катере, в прозрачную, но все же непроницаемую оболочку недоумения – будто ты попал не в реальное место, а в некую декорацию, построенную непонятно для чего – то ли для съемок кино, то ли для развлечения пресытившихся иным туристов. И все эти первобытно-изохрененные предметы охоты лишь усиливали подозрение. Даже сама немного игрушечная железная дорога, на которую он так стремился попасть, со всеми ее туннелями, откосами и виадукками, запахами и опасностью обрушений пока оставляла его вполне равнодушным. Разве что дракон, мифический... Да и эта байка была, похоже, придумана лишь для того, чтобы отчасти преждевременное недоумение довести до осознанного и колючего. Или же вся эта защитная концепция-подпорочка выстроилась в сознании лишь для того, чтобы и впрямь не стало страшно?

В полумраке туннеля мысли развивались ступенчато. Совсем как в тот не столь давний момент, когда Степана Аркадьевича бросила вроде бы любимая сибирская женщина, с которой они прожили почти год: вместе спали, ели, даже выпивали на равных. Ушла она как-то тихо и некрасиво: просто в его отсутствие собрала вещи, ключ от его дома бросила в почтовый ящик и прислала эсэмэску. Степан Аркадьевич погоревал, побесился, попытался что-то с ней выяснить, потом плюнул и подумал: хер с ней... Еще немного подумал: фиг с ней... И еще: бог с ней... Здесь же все шло по ступенькам в обратной последовательности. Сначала это мутное недоумение с первым уколом страха, потом, сквозь спасительную иронию, вновь проблески и всполохи страха,

уже обволакивающего, за который тут же стало стыдно, теперь страх забрался куда-то в глубину, зато уже совсем не отпускал. Светлеющий полукруг с обрывком неба впереди все-таки увеличивался, но не сулил, похоже, ничего хорошего. И тем не менее надо было идти, иного выхода не было. Как тогда, уже давно, в юности. Город, где он жил, был местами небезопасен. И как назло, его тогдашняя девушка жила в одном из худших районов, рядом с женскими рабочими общежитиями, вокруг которых клубилась суровая, нетрезвая и злобная мужская жизнь. От центрального мирного проспекта дорога туда шла через мост над тихой городской речкой, заставленной по берегам пустынями гаражей. Степан и всегда-то туда ходил с опаской, преодолевая себя, а тут как-то, спускаясь к мосту, невзначай задумался. И когда уже вступил на мост, с холодным ужасом увидел, что с той стороны в его узкое пространство, занимая даже часть проезжей части, вливается толпа подростков и молодых мужиков. Вооружены они были кольями, цепями и ремнями с пряжками и, видимо, шли сражаться с «центровыми». Подлинное отчаяние только и остановило попытку бегства: тогда точно погоняться и покалечат, если не убьют. Оставалось идти навстречу, опустив глаза и надеясь неизвестно на что. Суровая злобная толпа шла по мосту Степану в противоход и, вроде как, не обращала на него внимания, видимо, дичью он был слишком мелкой. И все же он услышал напряженным ухом: «Во, может, это замочим?» Похолодело сильно. «Да ну его нах...» – отозвался чей-то презрительный спасительный голос. Так он и прошел мимо своей возможной смерти, самым ее краешком. Сейчас смертью столь явно не пахло, но страх почему-то нарастал с каждым шагом и в то же время не терпелось дойти до конца туннеля: будь что будет. Степан Аркадьевич даже ускорил шаги, но тут же наткнулся на спину бли-

жайшей сестренки, она от неожиданности недоуменно обернулась.

– Извини, оступился, – пробормотал он и тут же убрал руки, хотя ладони успели запомнить тонкий, угловатый узор ее напряженных лопаток.

Но уже выходили из туннеля на простор. На солнце ознобно блеснула вода. Рельсы, уходящие в правый поворот к следующему, совсем близкому туннелю, сухо и ярко. Звездными кварцевыми точками – нависшие над дорогой шершавые каменные утесы. И откуда-то из-за них, хотя, казалось, именно сквозь, через зияющие щели и трещины, порыв ветра донес все тот же прогоркло-жареный запах: так и впрямь могло бы вонять из пасти дракона.

Крысин, тем не менее, жизнерадостно обернулся и дождался всех:

– Поправим... Это традиция такая... – Он ловко сбросил со спины армейский рюкзак, расшнуровал его и достал обыкновенную, не самую мощную кувалду. – Видите, кое-где торчат, – кивнул она на пути.

– Из музея позаимствовали? – усмехнулся Андрей Валентинович.

– Нет, копия, – ласково улыбнулся Крысин и поправил свой совсем уж тут неуместный вишневым берет. – Кто?.. Я и начну.

Костыли, крепившие рельсы к шпалам, и впрямь кое-где немного торчали, как недобитые или вылезшие от старости гвозди в стене древнего дачного сарая.

Крысин сосредоточился на одном таком, широко расставил ноги, замахнулся, ухнул и забил костыль под самую головку.

Выдохнув, пояснил:

– В среднем расход костылей на один километр путей составляет порядка тысячи шестисот, у нас на Кругобайкалке чуть больше. Сами понимаете... Ну? Кто следующий?

Андрей Валентинович тупо посмотрел на кувалду и все же вяло взял ее в руки:

– До самой Слюдянки будем чинить? Или в Култуке остановимся? – пошутил он. Вышло не смешно.

– Нет-нет, по одному, чисто символически, – едва ли не кокетливо успокоил его Крысин.

Андрей Валентинович выбрал костыль, принял недавнюю позу Крысина, резво размахнулся и едва не саданул себе по ноге, еще и задев утробно, колокольню зазвучавший рельс.

– Батенька, вы поосторожнее, – как-то уж слишком фамильярно попенял ему Крысин. – Не приведи бог, и впрямь его разбудите... Раньше времени...

– Да идите вы, – огрызнулся Андрей Валентинович и даже хотел бросить кувалду, но не бросил, а следующим и еще одним ударом вбил свой костыль.

Степан Аркадьевич, в очередь, со своим костылем тоже справился. Дамам кувалду Крысин предлагать не стал, спрятал ее вновь в рюкзак:

– Вот и приобшились... И замечательно... Можно сказать, с самим князем Хилковым побратались... – он был очень доволен.

– А дамам как приобщаться... К традиции? – ревниво поинтересовался Андрей Валентинович, которому все происходящее не нравилось до едва сдерживаемого отращения и злости.

– Дамам? Ну, им посложнее будет... – как-то уж очень спокойно проговорил Крысин.

Елена Павловна замерла, глядя на Крысина широко открытыми, прямо-таки округлившимися, часто моргающими глазами. Сестры же Крафт, о которых в суете забывания костылей чуть не забыли, в сторонке переглянулись между собой и с Крысиным и прыснули в кулачки.

Прогоркло-паленый запах, теперь это стало ясно, когда боковой ветер исчез, шел из следующего туннеля, до которого было метров сто.

И вдруг сестренки Крафт принялись молча и деловито раздеваться. Как оказалось, и снимать-то им было особо нечего.

Они синхронно стянули через головы тельняшки, расстегнули джинсовые юбки – те

упали к ногам. А под тельняшками и юбками, собственно, ничего больше и не было. Сестренки остались совершенно голыми, только в разных – красном и желтом – шейных платках и одинаковых белых кроссовках.

Совсем не стесняясь посторонних, они взялись за руки, переступили через рельс и целенаправленно, спокойно, покачивая бедрами пошли по шпалам в сторону дурно пахнущего туннеля.

– Эт-то что такое?! – потрясая руками, взвился Андрей Аркадьевич.

– Жертва, – спокойно и обреченно ответил Крысин. – Как и каждый год в этот день. Тоже традиция, – без тени улыбки добавил он, снял свой вишневый берет и с размаху приложил его к сердцу.

– М-мне т-тоже? – заикаясь, но очень серьезно спросила Елена Павловна, поднося, крест-накрест, руки к груди.

Крысин обернулся и смерил ее взглядом: – Вам – не обязательно...

Сестры Крафт, голые, свежие, с каждым шагом все более красивые, уже приближались к темному полукругу туннеля.

– Теперь можете излагать свои заветные просьбы и желания, – буднично и устало проговорил Крысин.

– Кому? – огрызнулся Андрей Валентинович.

– Дракону.

– Как? – опешил Степан Аркадьевич.

– Громко! – пояснил Крысин вслед удаляющимся сестрам. – Пока их видно. Еще успеете...

– Зачем? – недоуменно поинтересовался Степан Аркадьевич.

– А вы разве не за этим сюда шли? – изумился Крысин.

Степан Аркадьевич почувствовал настоящую, все более неумную дрожь в коленях.

Спрятать или спрятаться?

Никакого дракона не было.

Но он молчал.